

В. М. Мешков

НИКОЛАЙ ГОГОЛЬ И МИХАИЛ БАХТИН

Ключевые слова: пластическое мышление, мистически-метафизический реализм, метафизическая реальность «жизни», метафизическое дно.

В статье дается культурологический анализ творчества Н. В. Гоголя сквозь призму идей карнавальной культуры М. М. Бахтина. М. М. Бахтин в своем фундаментальном исследовании творчества Ф. Рабле раскрыл сложное ценностно-мыслительное и тематическое пространство карнавала, смеховой культуры, показал ее глубинную связь с народной жизнью. Многие его идеи и представления обогащают современных исследователей арсеналом средств для осуществления продуктивного межкультурного диалога. В статье «Рабле и Гоголь» М. М. Бахтин убедительно показал, что в произведениях Н. В. Гоголя в полной мере проявляется выявленная Михаилом Михайловичем парадигма «гротескного реализма». Однако ориентация М. М. Бахтина только лишь на элементы народной смеховой культуры весьма ограничила поле исследования произведений великого русского писателя.

Целью настоящей статьи является показать, что реалистическое видение Н. В. Гоголя было значительно глубже гротескного реализма. Автором показано, что «пластически-созерцательное мышление» Н. В. Гоголя в большой степени определяло своеобразие его жизненного мира, а также установлено, что гоголевское стремление к максимально адекватному отражению «жизни» как предельной социо-культурной реальности формировало в его творческой деятельности методологическую установку метафизического реализма. Эти два обстоятельства в значительной мере предопределили глубину и мировую славу его произведений.

V. M. Meshkov

NIKOLAY GOGOL' AND MIKHAIL BAKHTIN

Keywords: flexible mind, mystically-metaphysical realism, metaphysical reality of "life", metaphysical floor.

The article gives the analysis of cultural creativity of Gogol ideas through the prism of the carnival culture of Bakhtin. Bakhtin in his fundamental study of creativity of Rabelais revealed a complex value-thought-space and thematic carnival culture of laughter, revealed its deep connection with people's lives. Many of his ideas and concepts enrich the arsenal of modern researchers for productive intercultural dialogue. In the article "Rabelais and Gogol" M. Bakhtin has shown convincingly that in the works of Nikolai Gogol manifested in full degree revealed by Mikhail Mik-hailovich paradigm of "grotesque realism". However, the orientation of M. Bakhtin only on elements of folk culture of laughter very limited field of study of the great Russian writer.

The purpose of this article is to show that a realistic vision N. V. Gogol' was much deeper than grotesque realism. The article shows that the Nicolay Gogol's "plastic-contemplative think-ing" defined in great measure the peculiarity of his life world. It is also stated that the Gogol's striving for an adequate reflection of "life", as an ultimate social and cultural reality, formed in his creative activity a methodological statement of the metaphysical realism. This two conditions in great measure predestined deepness and world celebrity of his works.

М. М. Бахтин в своем фундаментальном исследовании творчества Ф. Рабле раскрыл сложное ценностно-мыслительное и тематическое пространство карнавала, смеховой культуры, показал ее глубинную связь с народной жизнью. Многие его идеи и представления обогащают современных исследователей арсеналом средств для осуществления продуктивного культурологического анализа. В статье «Рабле и Гоголь» М. М. Бахтин убедительно показал, что в произведениях Н. В. Гоголя в полной мере проявляется выявленная Михаилом Михайловичем парадигма «гротескного реализма». При этом он указал, что «нас интересуют только элементы народной смеховой культуры в его творчестве» [1, с. 485] и таким образом весьма ограничил поле своего исследования произведений великого писателя. Целью настоящей статьи является показать, что реалистическое видение Н. В. Гоголя было значительно глубже гротескного реализма.

Мы живем среди мусора информации, впечатлений, событий, которые изливаются на нас изо дня в день. Постмодернистское мировосприятие, отбросив сущностное реалистическое мышление, с переменным успехом стремится систематизировать стремительный поток мирского бытия и таким образом скользит по его поверхности. Реалистическая установка (от критического до социалистического реализма) целенаправленно, приучала к глубинному мышлению, выявлению в потоке обыденной жизни внутренних, сущностных структур образов, отношений, событий. У истоков этой традиции в русской литературе стояли А. С. Пушкин и Н. В. Гоголь, которые принесли ей славу и высокий авторитет в мировой литературе. Я не знаток современной российской литературы и кино, но мне представляется, что в «славные» 90-е гг. это высокоинтеллектуальное и высоконравственное течение российской жизни пресеклось, «умерло». Поэтому представляется весьма актуальным размышлять об особенностях реализма моего земляка. К слову, можно отметить глубинную связь Полтавской земли и русской культуры. Моя дача находится в 20 км от родового имения Н. В. Гоголя, в 10 км от воспетых им Великих Сорочинцев, в 10 км от дачи В. Короленки и в 15 км от дачи В. Вернадского.

Н. В. Гоголь обладал феноменальной способностью пластического, образного мышления. Надо полагать, его голова была устроена таким образом, что всю поступающую информацию, в том числе суждения абстрактно-теоретического порядка, она трансформировала в чувственно-мыслительные образы, которые для него обладали гораздо большей достоверностью, чем сухие, весьма односторонние теоретические схемы. В собрании его сочинений и письмах не найдешь философско-спекулятивных рассуждений. Вся сила и глубина мысли Н. В. Гоголя – в пластических образах.

Центральное место в жизненном мире Н. В. Гоголя занимал образ «жизни» как мистически-метафизической реальности. «Предмет у меня был всегда один и тот же, – признается Н. В. Гоголь в «Авторской исповеди», – предмет у меня был – жизнь, а не что другое. Жизнь я преследовал в ее действительности, а не в мечтах воображения, я пришел к Тому, Кто есть источник жизни. От малых лет была во мне страсть замечать за человеком, ловить душу его в малейших чертах и движениях его, которые пропускаются без вниманья людьми, – и я пришел к Тому, Который один полный ведатель души и от Кого одного я мог только узнать полнее душу» [3, т. 7, с. 443–444]. Из высказываний и замечаний о «жизни» в текстах литературного наследия Н. В. Гоголя, следует, что «жизнь» им мыслилась как глубинная, сущностная, динамичная, рационально-иррациональная, мистическая по природе реальность. Видимое мирское бытие есть множество форм ее проявлений. Следовательно, «жизнь» есть мистически-метафизическая реальность, которой управляет сам Бог, «Он», как говорит Н. В. Гоголь. Более подробно эта проблема рассмотрена в статье «Жизнь между» [5]. Н. В. Гоголь всегда стремился своим напряженным ищущим взором проникнуть внутрь текущего жизненного потока, достигнуть метафизического дна «жизни». По его мнению, «жизнь нужно показать человеку, – жизнь, взятую под углом ее нынешних запутанностей, а не прежних, – жизнь, оглянутую не поверхностным взглядом светского человека, но взвешенную и оцененную таким оценщиком, который взглянул на нее высшим взглядом христианина. Велико незнание России посреди России» [3, т. 7, с. 276].

Для Н. В. Гоголя метафизическим, абсолютным дном было христианство не как некоторая система теологического знания, но христианство как откровение, представляющее собой непосредственное созерцание и переживание трансцендентной Истины. «Как бы то ни было, но жизнь для нас уже не загадка. Она была тогда загадка, когда умнейшие из людей, от мыслителей до поэтов, над ней задумывались и приходили только к сознанию, что не знают, что такое жизнь. Но когда Один, всех наиумнейший, сказал твердо, не колеблясь никаким сомнением, что Он знает, что такое жизнь, когда этот Один признан всеми за величайшего человека из всех доселе бывших, даже теми, которые не признают в Нем Его божественности. Тогда следует поверить Ему на слово, даже и в таком случае, если бы Он был просто человек. Стало быть, вопрос решен: что такое жизнь» [3, т. 7, с. 460]. Н. В. Гоголь был не просто реалистом. Он был метафизическим реалистом, потому что полагал, что в художественном произведении возможно проявить метафизическое основание жизни.

Согласно Н. В. Гоголю, путь к созерцанию метафизической реальности «жизни» преимущественно проходит через познание тайников души человека. «Страсть наблюдать за человеком, – пишет он в письме В. А. Жуковскому, – питаемая мною еще сызмала, придала им некоторую естественность; их даже стали называть снимками с натуры» [4, т. 1, с. 212]. В том же письме он подчеркивает, что познание глубин человеческой природы следует начинать с исследования собственной души. Тогда начинает открываться метафизическая реальность жизни: «Прежде, чем сделался писатель, уже имел я охоту: к наблюдению внутреннему над человеком и над душой человеческой. О, как глубже перед тобой раскрывается это познание, когда начнешь дело с собственной своей души! На этом-то пути поневоле встретишься ближе с тем, который один из всех, доселе бывших на земле, показал в себе полное познание души человеческой... Крутым поворотом, происшедшим не от моей воли, наведен я был заглянуть глубже в душу вообще и узнать, что существуют ее высшие степени и явления. С этих пор способность творить стала пробуждаться; живые образы начинают выходить

ясно из мглы; чувствую, что работа пойдет, что даже и язык будет правилен и звучен, а слог окрепнет» [4, т. 1, с. 213–214]. Надо полагать Н. В. Гоголю, обладавшему даром пластически-созерцательной способности и всячески ее развивавшему, открывалась метафизическая реальность «жизни» в виде образов. Вся трудность, вероятно, заключалась в переводе созерцаемой образной картины в образную структуру словесного текста. Здесь Н. В. Гоголь обладал непревзойденным талантом.

Однако главной и самой интересной проблемой является прояснение мистической связи Его и творческой деятельности писателя. Для Н. В. Гоголя было очевидной истиной сознание полной и абсолютной зависимости своего писательского труда от воли Божьей. Все мысли, сюжеты и пластически-образная структура произведения приходили Оттуда. Если нет благорасположения Всевышнего, Его поддержки, то самые большие собственные усилия окажутся безрезультатными. В одном из писем В. А. Жуковскому он пишет: «Безгранична, бесконечна, беспредельней самой вечности беспредельная любовь бога к человеку» [4, т. 1, с. 174]. В. А. Сологуб отмечает: «Жизнь его была суровая и печальная. По утрам он читал Иоанна Златоуста, потом писал и рвал все написанное, ходил очень много, был иногда прост до величия, иногда причудлив до ребячества» [2, т. 4, с. 367].

Для Н. В. Гоголя писательский труд представлял собой сложный триединый сознательно-мистический процесс. Тщательное изучение объекта художественного изображения требовало продвижения в познании глубин собственной души, что в свою очередь подвигало к «прозрению великих тайн Божьего создания». «Труд и терпение и даже приневоливание себя, – признается писатель, – награждают меня много. Такие открываются тайны, которых не слышала дотоле душа, и многое в мире становится после этого труда ясно. Поупражняясь хотя немного в науке создания, становишься в несколько крат доступнее к прозрению великих тайн Божьего создания и видишь, что чем дальше уйдет и углубится во что-либо человек, кончит все тем же: одною полною и благотворною молитвою» [2, т. 4, с. 227]. Для

Н. В. Гоголя каторжный труд писательского дела был лишь тогда успешным, когда эти три необходимых условия синхронизировались в творческом процессе. При этом метафизическая составляющая была главной и определяющей в писательской деятельности. По окончании книги «Выбранные места...» он пишет П. А. Плетневу: «Мне говорит это мое сердце и необыкновенная милость божия, давшая мне силы потрудиться тогда, когда я не смел уже и думать о том, не смел и ожидать потребной для того свежести душевной. И все мне далось вдруг на то время: вдруг остановились самые тяжкие недуги, вдруг отклонились все помешательства в работе, и продолжалось все это до тех пор, покуда не кончилась последняя строка. Это просто чудо и милость божия, и мне будет грех тяжкий, если стану жаловаться на возвращение трудных, болезненных моих припадков. Друг мой, я действовал твердо во имя бога, когда составлял мою книгу; во славу его святого имени взял перо; а потому и расступились передо мною все преграды и все, останавливающее бессильного человека» [2, т. 4, с. 272].

В письме художнику А. А. Иванову Н. В. Гоголь подчеркивает: «Вы называете меня прекрасным теоретическим человеком. Не думаю, чтоб это была правда. Мне кажется, что я плохой теоретический человек, да и практический также. Изю всей моей жизни я вывел только ту истину, что если бог захочет – все будет, не захочет – ничего не будет» [4, 2, с. 486]. В другом письме А. А. Иванову, мучительно долго и тяжело работавшему над картиной «Явление Христа народу», он дает мудрый и методологически важный совет: «Еще многое почитаете вы за выдумки, принимая в буквальном смысле. Еще то, что есть самая жизнь (выделено. – В. М.), для вас безгласно и мертво. Еще на многое смотрите вы остроумными глазами, а не глазами мудреца, просветленного разумом свыше. Еще вы не приобрели того, что одно могло б двинуть работу и сообщить вам ту силу, до которой не достигнешь никакими трудами и знаниями. Словом, вы еще далеко не христианин, хотя и замыслили картину на прославление Христа и христианства. Вы не почувствовали близкого к нам участия бога и всю высоту родственного союза, в который он вступил с

нами» [4, т. 2, с. 452]. Для Н. В. Гоголя было очевидно, что творческий процесс (писательский или живописца) может быть лишь тогда успешным, когда субъекту творчества открывается метафизическая реальность «жизни». При этом, по его мнению, эта реальность постигается не посредством большой и напряженной умственной, теоретической работы. Писатель или художник должен духовно и нравственно созреть, чтобы ему открылось сокровенное знание. Следует заметить, что эти трудности возникают только у тех творческих людей, кто в своей работе «копает» до фундаментальной реальности «жизни». Тогда у них может установиться с ней мистическая связь с непредсказуемыми последствиями для искателя. Те, кто барахтается в поверхностном слое человеческого существования, этих проблем не имеют, этой реальности не видят и о ее существовании не подозревают. Среди русских писателей XIX в. Н. В. Гоголь мужественно «копал» глубже всех и, пожалуй, продвинулся в познании метафизической реальности «жизни» дальше всех. Однако приобретенное им знание и опыт для нас остались непроявленными. Он их унес с собой.

В повести «Портрет» Н. В. Гоголь в свойственной ему пластически-созерцательной форме излагает свою «концепцию» творческого процесса, которая, представляется, составляет главное содержание этого произведения. Гоголевское понимание природы, целей, предназначения творческой деятельности художника содержится преимущественно во второй части повести. В повести «Портрет» он изложил, надо полагать, собственный опыт профессионального художника, которым, как известно, он также был. В этом произведении писатель и художник Н. В. Гоголь приоткрывает мистические тайны своего творчества. Согласно повествованию писателя, художественное творчество можно подразделить на четыре типа. Первый, самый успешный и наименее интересный, в определенном смысле представляет собой псевдотворчество, когда художник, мастерски владея ремеслом живописца, продуцирует лишенные жизни красивые формы. Этот тип псевдохудожника Н. В. Гоголь изобразил в образе Черткова, который в погоне за славой и деньгами изменил своему

таланту. Произведения живописцев и писателей подобного типа обладают обобщенным, поверхностным характером. По мере роста популярности и благосостояния Черткова гибли ростки его подлинного таланта художника. Второй тип художественного творчества представляет интерес еще и потому, что в его описании Н. В. Гоголь открывает дверь в собственную творческую лабораторию. По его мнению, путь к созданию высокохудожественного произведения открывается художнику или писателю, если он придерживается установки предельного реализма в своем творчестве. Следует вдохнуть «жизнь» в эскиз или набросок рассказа или повести. Это достигается посредством детализации художественного образа. В первой редакции повести Н. В. Гоголь так описывает этот процесс: «Он приник весь к своему оригиналу и уже начал уловлять те неуловимые черты, которые самому бесцветному оригиналу придают в правдивой копии какой-то характер, составляющий высокое тождество истины. Какой-то сладкий трепет начал им одолевать, когда он чувствовал, что наконец подметил и, может быть, выразит то, что очень редко удается выражать. Это наслаждение, неизяснимое и прогрессивно возвышающееся, известно только таланту. Под кистью его лицо портрета как будто невольно приобретало тот колорит, который был для него самого внезапным открытием» [3, т. 3, с. 239]. Как известно, Н. В. Гоголь часто просил мать, сестер, друзей в письмах сообщать ему различного рода детали из русской или украинской жизни. При этом он сам постоянно записывал свои наблюдения в записные книжки. Однако он не был бытописателем. «Я никогда ничего не создавал в воображении, – пишет он в «Авторской исповеди», – и не имел этого свойства. У меня только то и выходило хорошо, что взято было мной из действительности, из данных мне известных. Угадывать человека я мог только тогда, когда мне представлялись самые мельчайшие подробности его внешности. Я никогда не писал портрета, в смысле простой копии. Я создавал портрет, но создавал его вследствие воображения, а не изображения. Чем более вещей принимал я в изображение, тем у меня верней выходило созданье» [3, т. 7, с. 445]. Надо полагать, он накапливал во-

рох этого материала деталей, чтобы затем во время спонтанного процесса создания текста лепить пластические образы. Иррациональность этого процесса выражается в том, чтобы добиться безусловной убедительности, наглядности гоголевского образа. Даже зная, что этот персонаж выдуман писателем, мы видим, что Н. В. Гоголь добивался большего реализма, большего проявления «жизни» в собакевичах, плюшкиных, ноздревых, чем реально жившие их современники.

Здесь мы подходим к особенностям гоголевского мистически-метафизического реализма. Третий и четвертый типы творческого процесса приобретают мистический характер, когда художник (или писатель) в своем стремлении к предельному реализму достигает мистически-метафизического дна. Третий тип творческого процесса возникает тогда, когда объектом поэтического изображения становится сверхчувственная натуралистическая реальность, называемая в христианстве Сатаной или Антихристом. Ф. Ницше называл ее «жизнью» или «Дионисом». Название повести «Портрет» свидетельствует, что Н. В. Гоголь основное содержание произведения связывал не с художником Чертковым и его судьбой, а с портретом ростовщика и связанных с ним мистических обстоятельств. Выполняя заказ ростовщика, отец автора повествования не знал, что объектом его изображения стал Сатана, вселившийся в человека. Согласно автору повести, у художника в ходе работы над портретом возникает безотчетное чувство страха, невыносимого ужаса. В первой редакции повести «Портрет» Н. В. Гоголь так описывает этот эпизод: «Опасаясь ежеминутно за жизнь его, отец мой прежде всего решил заняться окончательною отделкою глаз. Это был предмет самый трудный, потому что чувство, в них изображавшееся, было совершенно необыкновенно и невыразимо. Около часу трудился он возле них и наконец совершенно схватил тот огонь, который уже потухал в его оригинале. С тайным удовольствием он отошел немного подальше от картины, чтобы лучше рассмотреть ее, и с ужасом отскочил от нее, увидев живые, глядящие на него глаза. Непостижимый страх овладел им в такой степени, что он, швырнув палитру и

краски, бросился к дверям» [3, т. 3, с. 258]. Художник перестал быть субъектом творческого процесса. Невидимая сила ведет, направляет его деятельность. У субъекта творчества возникает мистическая связь с этой дионисийско-сатанинской реальностью, которая отражается на его жизни и жизни ему близких людей. Само произведение приобретает особый, мистический статус существования. Обычно этим описаниям мистического писателя Н. В. Гоголя не придается серьезного значения. Между тем странности поведения Н. В. Гоголя дают основания допустить, что во время работы над мистическими произведениями «Вечеров...» и «Миргорода» он испытывал воздействие бесовской реальности. Подобного рода воздействия, вероятно, испытал и Ф. Ницше во время работы над «Заратустрой». Однако последний не имел той защиты, которой располагал православный христианин Н. В. Гоголь. Устами героев повести писатель рассуждает о природе того типа творчества и той реальности, когда художник «переходит черту», выходит за границы чувственно-предметного мира. «Для человека есть такая черта, – рассуждает молодой художник Чертков, – до которой доходит высшее познание, и чрез которую шагнув, он уже похищает несоздаваемое трудом человека, он вырывает что-то живое из жизни, одушевляющей оригинал? Отчего же этот переход за черту, положенную границу для изображения, так ужасен» [3, т. 3, с. 230–231]? «Доныне я не могу понять, – рассуждает художник, – что был тот странный образ, с которого я написал изображение. Это было точно какое-то дьявольское явление. Я знаю, свет отвергает существование дьявола, и потому не буду говорить о нем. Но скажу только, что я с отвращением писал его, я не чувствовал в то время никакой любви к своей работе» [3, т. 3, с. 119].

Из описаний Н. В. Гоголя в повести «Портрет» следует, что среди всех типов творческого процесса четвертый является высшим. В этом случае предметом изображения живописца является благодать, воплощенная в образе Богородицы и младенца. Соглас-

но православной традиции, в иконописных школах при написании иконы от художника требуется не только мастерское владение техникой живописи, но и достижение состояния нравственной и духовной чистоты. В Православии полагают, что в результате сурового подвижничества Святой Дух вселяется в души великих иконописцев и ведет их в процессе создания произведения. Напротив, совершение какого-либо греха художником пагубно сказывается на творческом процессе. Эти обстоятельства Н. В. Гоголь фиксирует в своей повести. Сын автора портрета ростовщика рассказывает: «Строгостью жизни, неусыпным соблюдением всех монастырских правил он изумил всю братию... Долго, в продолжение нескольких лет, изнурял он свое тело, подкрепляя его в то же время живительною силою молитвы. Наконец в один день пришел он в обитель и сказал твердо настоятелю: «Теперь я готов. Если богу угодно, я совершу свой труд». Предмет, взятый им, было рождество Иисуса. Целый год сидел он за ним, не выходя из своей кельи, едва питая себя суровой пищей, молясь беспрестанно. По истечении года картина была готова. Это было, точно, чудо кисти... Чувство божественного смирения и кротости в лице пречистой матери, склонившейся над младенцем, глубокий разум в очах божественного младенца... святая, невыразимая тишина, обнимающая всю картину, – все это предстало в такой согласной силе и могуществе красоты, что впечатленье было магическое. Вся братья поверглась на колена пред новым образом, и умиленный настоятель произнес: «Нет, нельзя человеку с помощью одного человеческого искусства произвести такую картину: святая, высшая сила водила твоею кистью, и благословенье небес почило на труде твоём»» [3, т. 3, 117–118].

Таким образом, достаточно полно описанный М. М. Бахтиным гротескный реализм в творческой лаборатории Н. В. Гоголя выступал в качестве дополнительного средства его мистически-метафизического реализма. Если смех Ф. Рабле был порождением веселого игрища карнавала, то смех Н. В. Гоголя был Оттуда, с мистическим привкусом и мурашками по коже.

Библиографический список

1. *Бахтин М. М.* Рабле и Гоголь / М. М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. – М., 1975.
2. *Вересаев В. В.* Гоголь в жизни / В. В. Вересаев // Сочинения : в 4 т. – М., 1990.
3. *Гоголь Н. В.* Собрание сочинений : в 8 т. / Н. В. Гоголь. – М., 1984.
4. Переписка Н. В. Гоголя : в 2 т. – М., 1988.
5. *Мешков В. М.* Жизнь между (о структуре жизненного мира Николая Васильевича Гоголя) / В. М. Мешков // Н. В. Гоголь: духовное измерение жизни и творчества (к 200-летию со дня рождения). – Полтава, 2010. – С. 75–130.

References

1. *Bahtin M. M.* Rable i Gogol' / M. M. Bahtin // Voprosy literatury i jestetiki. Issledovanija raznyh let. – M., 1975.
2. *Veresaev V. V.* Gogol' v zhizni / V. V. Veresaev // Sochinenija : v 4 t. – M., 1990.
3. *Gogol' N. V.* Sobranie sochinenij: v 8 t. / N. V. Gogol'. – M., 1984.
4. *Perepiska N. V. Gogolja* : v 2 t. – M., 1988.
5. *Meshkov V. M.* Zhizn' mezhdru (o strukture zhiznennogo mira Nikolaja Vasil'evicha Gogolja) / V. M. Meshkov // N. V. Gogol': duhovnoe izmerenie zhizni i tvorchestva (k 200-letiju so dnja rozhdenija). – Poltava, 2010. – S. 75–130.

Поступила в редакцию 16.01.2015.

Сведения об авторе

Мешков Вячеслав Михайлович – доктор философских наук, профессор кафедры философии и социально-политических дисциплин Полтавского национального технического университета им. Ю. В. Кондратюка (Украина). Область научных интересов – тематический анализ осевого времени, русской и украинской культур. Автор 91 научной и учебно-методической работы, в том числе 2 монографий, 1 учебника (в соавторстве), 2 учебных пособий (в соавторстве).

E-mail: slava-home50@mail.ru

Meshkov Vyacheslav Mihkailovich – doctor of philosophical sciences, professor of the chair of philosophy and social and political disciplines of Kondratyuk Poltava National Technical University (Ukraine). Research interests: thematic analysis of axial time, Russian and Ukrainian cultures. The author of more than 91 scientific publications, including 2 monographs, 3 textbooks.